

Наталья Андреева

детектив & загадка

Правая рука смерти

Наталья Вячеславовна Андреева

Правая рука смерти

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4519681
Андреева Н. В. Правая рука смерти: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-59890-8*

Аннотация

Пятеро человек попали в ловушку... Их ждет изощренная кара за грехи прошлого. В этот загородный дом их заманили по-разному. Бизнесмена Брагина пригласили поговорить о его долге хозяину дома. Блогера Самсонова соблазнила любовница посещением закрытого клуба, где отрываються пресыщенные богачи. Трех женщинам предложили работу, посулив за нее огромные деньги. Татьяне – место домработницы, Тамаре – семейного врача, а Софье – ассистентки профессора Ройзена в его новом эксперименте. Ими умело манипулируют, зная слабости каждого, их медленно сводят с ума. Брагина запугивают пытками, у Самсонова отняли возможность общения в Инете с его фанатами, терапевта Тамару шантажируют смертью ее пациентов, красавицу Софью пугают подступившей старостью, Татьяну вынуждают работать сверх меры... Все они обречены на сумасшедший дом или на смерть! Так кто он, доктор Ройзен, и за что мстит этим людям?..

Содержание

Палата № 1	4
Палата № 2	10
Палата № 3	15
Палата № 4	18
Палата № 5	23
Палата № 1: размещение	29
Палата № 2: заселение	32
Палата № 3: размещение	35
Палата № 4: размещение	39
Палата № 5: заселение	41
Консультация № 1	44
Консультация № 2	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Наталья Андреева

Правая рука смерти

Pade Poena claudio (лат.)
(Гораций. Оды, III, 2)
Хромоногая, то есть медлительная кара.

Палата № 1

Телефон звонил не переставая. Звук был нудный, вибрирующий, словно в окно бился огромный шмель, отчего дрожало стекло, трясся подоконник, ходуном ходили занавески. Либо его надо выпустить, либо прихлопнуть, этого назойливого мутанта – шмеля. Но жужжащий звук на одной ноте раздражал Брагина меньше всего, он устал от всяких там «Мурок» или «Танцев маленьких лебедей», этих наиболее часто выбираемых всякими дебилами рингтонов. Вообще от людей. Номер, высветившийся на дисплее, не определялся, но Анатолий подумал, что его может добиваться так настойчиво потенциальный клиент, и на звонок все же ответил. В трубке раздался приятный женский голосок:

– Здравствуйте, Анатолий Борисович! Ох и непросто же до вас дозвониться! Из банка беспокоят.

– Из какого еще банка? – спросил он, разочарованно зевая.

– Из банка, которому вы денег должны.

– Слушайте, вы меня достали! – заорал он, раздражаясь. – Звоните и звоните! Домой звоните, на работу звоните, бывшей жене, дочери, соседям и тем звоните! И днем и ночью! Телефоны меняете, чтобы я трубку брал! Достали, суки!

– Это вы нас достали! – повысила голос и девушка. – Вы нам деньги должны, и немалые, учитывая набежавшие проценты! А платить не хотите!

– Я вам сто раз говорил: нет у меня денег! Заказчик меня кинул! Моя фирма работу сделала, а ей не заплатили! Заказчик обанкротился! И как я, по-вашему, могу вернуть кредит, да еще с вашими грабительскими процентами?!

– А мы вам в сотый раз отвечаем: это ваши проблемы! Судитесь с заказчиком, получите деньги по исполнительному листу и переводите их нам! Мы подождем.

– Да как я буду с ним судиться, если он в Прибалтике?!!

– А о чем вы думали, господин Брагин, когда заключали контракт?

– О том, что либо я сдохну, либо вы разоритесь, суки!

– Как видите, мы не разорились. Терпеливо ждем, когда вы образумитесь. Я вас в последний раз спрашиваю: платить будете?

– Нет. А станете доставать – обанкрочу свою фирму. Или закрою ее здесь, в Москве, а перерегистрирую, блин, в Чечне. Или в Хабаровске. Но денег вы от меня хрен получите. Нет их у меня, понятно? Концы с концами едва свожу.

– Как вам не стыдно, Анатолий Борисович! Мы ведь прекрасно знаем, что вы живете в центре Москвы в огромной четырехкомнатной квартире, которая стоит не один миллион долларов! Если хотите, мы вам предоставим оценщика и покупателя сами найдем. Поменяйте вашу квартиру на меньшую, где-нибудь на окраине, и без проблем рассчитаетесь с долгами. Еще и на жизнь останется.

– Иди ты на х...

Анатолий Брагин со злостью отшвырнул мобильный телефон. Ишь, чего захотели! Чтобы он отдал за долги свою квартиру?! Да он ее годами собирал, как мозаичное панно, по

кусочкам! Сколько сил на это потрачено, сколько нервов! А денег?! Одна перепланировка чего стоила! Чтобы теперь на нее все облизывались: не квартира ведь, а конфетка!

Сначала это была коммуналка. Хотя и в центре Москвы, но все равно: коммуналка. Со всеми вытекающими. Четыре комнаты, стены толстенные, словно в каком-нибудь средневековом замке, потолки высоченные, коридор длиннющий и узкий, как кишка. Крохотная кухня, где ютились шаткий стол с тремя колченогими табуретками, плита с тремя работающими конфорками и холодильник с тремя полками, каждая подписана, а каждый сверток на ней промаркирован. Кое-кто колбасу линейкой замерял: сколько осталось съедобных сантиметров. Потому что желающие поживиться за чужой счет имелись в избытке. Это потом каждая семья обзавелась собственным холодильником и заперла его в своей комнате вместе с едой, когда все обитатели коммуналки стали жить в относительном достатке. Но плита по-прежнему была общей, и конфорок на ней только три. Как хочешь, так и крутись!

Один сортир на всех, одна ванная комната, в которой вечно кисло белье, постоянные споры о том, кто нажег больше электричества. В одной из комнат, самой большой, жила многодетная семья, и их сопливые отпрыски приходили с прогулки грязные, как свиньи. Они все были свиньи, и фамилия у них соответствующая: Кабановы. Трое младших Кабановых вечно были голодными, они залезали грязными пальцами в чужие кастрюли, пытаясь подцепить кусок мяса или хотя бы картофелину, без зазрения совести отрезали от чужого батона колбасы, таскали чужое печенье и чужие конфеты. Повсюду оставались их грязные отпечатки и следы крепких, безжалостных зубов, которые способны были крошить и камень, если бы камень этот оказался съедобным и мог насытить их бездонные желудки.

Бабушка Анатолия, потомственная дворянка, чье воспитание не позволяло устраивать сцены, терпела молча. Когда-то ее семье принадлежал огромный дом в Москве, летняя резиденция в пригороде и роскошное поместье в Малороссии. После революции у юной графини осталась только девятиметровая комнатка в коммуналке и скромное жалованье машинистки. Родителей расстреляли, она чудом осталась жива, и то лишь потому, что приглянулась усатому комиссару. Жили так, то есть, согласно моде революционного времени, без венчания. Дети тоже рождались так, хотя фамилию носили комиссарскую: Брагины. Сожителя в тридцать седьмом расстреляли, имущество конфисковали, и от большой комиссарской любви бабушке осталась все та же девятиметровая комнатка в коммуналке со скандальными соседями презируемого ею пролетарского происхождения.

Слава богу, дети были пристроены, спрятались в глубинке, дочь почти девочкой выскочила замуж в Поволжье за мужчину в два раза ее старше и неплохо устроилась в небольшом, но уютном и спокойном провинциальном городке, а двенадцатилетний сын временно поселился у тетки в глухой деревне. Сестра комиссара была женщиной бездетной и Бореньку взяла на воспитание охотно. Ждали, когда все утрясется и сыну врага народа можно будет вернуться к матери в столицу. Когда парню пришло время получать образование, грянула война, университеты пришлось пройти в окопах, и с фронта Борис Брагин вернулся не к матери, которую знал мало, а к тетке. Мать не жаловалась, терпела. Могло быть хуже, у большинства ее подруг, бывших румяных гимназисток, сложилось все не так удачно, как у нее. Сколько их потеряло здоровье в лагерях? А сколько вообще не вернулось? Бабушка же Анатолия Брагина дожила до восьмидесяти шести лет и до последнего сохраняла ясный ум и великолепную память. Рассказывала ему о дореволюционной Москве, о первом в жизни бале, который, увы, оказался и последним. И женихи, brave офицеры и отпрыски древних дворянских родов, галантно целовавшие ручку, тоже остались там, в дореволюционном прошлом.

Нет на свете справедливости, о чем на тесной коммунальной кухне постоянно судачили. Это Анатолий Брагин помнил до сих пор. Он поселился у бабушки в семнадцать, когда приехал поступать в институт, и, легко пройдя по конкурсу, остался в Москве. Стал полно-

правным членом коммунального сообщества и окунулся в жизнь, полную интриг и сплетен. Слишком уж разные здесь жили люди. Сошлись они в одном: нет на свете справедливости. Хотя понимали они это по-разному. Бабушка считала несправедливой конфискацию московского дома, загородной резиденции и малороссийского поместья. И что теперь она имеет вместо всего этого великолепия – лишь девять квадратных метров жилой площади, а Кабановы, отродясь не едавшие ничего слаще морковки, жаловались на то, что им впятером приходится ютиться в одной комнате, в то время как Инессе Валерьяновне с дочерью и внуком принадлежат целых две! На троих две комнаты! Вы только подумайте, какая немыслимая роскошь! Смешно, но на этой почве бывшая графиня, ныне зарабатывающая на жизнь частными уроками французского, и ткачиха Кабанова, еле-еле осилившая восемь классов средней школы, сошлись! Да еще как сошлись! Они составили партию несправедливо обиженных злодейкой-судьбой и против Инессы Валерьяновны устроили целый заговор! И своего добились! После расправы с «врагами» две их комнаты честно были поделены между победителями, правда, многодетным Кабановым досталась большая.

Все это случилось лет тридцать тому назад, коммунальные войны, невольным участником которых стал Анатолий Брагин. Он получал тогда в техническом вузе высшее образование, которое ему впоследствии почти не пригодилось. Зато бабушке, как инвалиду, нуждающемуся в постоянном уходе, удалось прописать внука к себе. И он, уроженец российской глубинки, стал-таки полноправным москвичом. Бабушка прекрасно умела разыгрывать немощную старуху, хотя на самом деле если у нее и были проблемы со здоровьем, то это выражалось не зубцами кардиограммы, а заиканностью на квадратных метрах.

– Все это должно быть твоим, – шептала она внуку, когда соседи не слышали. – Сначала мы выживем отсюда Инессу Валерьяновну, а потом придет черед и этих плебеев. Мы себе все вернем, Толенька. Восстановим справедливость. Из грязи обратно в князи, а пролетарские князья пусть возвращаются туда, где им самое место. – И рафинированная бабушка произносила плохое слово, обозначающее биологический наполнитель отхожего места. – Это все твое по праву рождения, и ты должен жизнь положить на восстановление справедливости, – внушала она внуку.

Тогда Анатолий Брагин еще не представлял, как он это сделает. Но бабушка добилась своего: он тоже заикнулся на квартире. Ни одна из его жен так и не была здесь прописана. Ни одной при разводе не досталось ни метра. А благодаря единственной дочери и ее недавно родившемуся сыну, которого Брагин тут же прописал, отобрать у него единственное жилье по суду не могли, хотя дочь давно уже жила отдельно и с отцом старалась не общаться. С ее матерью Анатолий лет десять был в разводе, но дочка пошла в него, расчетливая. Прописалась на всякий случай вместе с малолетним ребенком у отца, чтобы многомиллионную ответственность из рук не упустить. Все оформили грамотно, не подкопаешься. У Брагина был хороший юрист, он же лучший друг, Вадим Копылов. Мысленно Анатолий уже не раз сказал ему спасибо. Ах, сколько подводных камней пришлось обойти! Сколько взяток рассовать нужным людям! Зато теперь – накось выкуси!

Когда банк начал давить, Брагин вспомнил все перипетии многотомной квартирной истории и пришел в бешенство. Одни Кабановы чего стоили! Что вы прикажете делать с многодетной семьей? Они хоть и были Кабановы, но плодились как кролики. Он даже пошел на крайность, хоть и скрепя сердце: купил им аж две отдельные квартиры, чтобы заполучить две их комнаты в коммуналке! Но отселил-таки это скандальное семейство плебеев. Это был великий праздник. Главный в его жизни, когда он ОДИН пил шампанское в тесной кухне, строя грандиозные планы превращения коммунального сарая во дворец. Дела тогда шли отлично, денег было полно. Жаль, бабушка не дожила. Но Анатолия все равно переполняло чувство гордости: он это сделал!

И вот теперь его заставляют обменять мечту всей жизни на халупу, расположенную за МКАД, у черта на куличках, пусть даже на две халупы, если совсем в жопенях, и в придачу к ним на деньги, которые он должен будет, ха-ха, отдать какому-то банку!

Да нахось выкуси!

– Господин Брагин? – прозвучал в трубке женский голос.

– Киса, это ты? Ха-ха! Смешно! Как ты меня: господи-ин... Не узнал, богатой будешь.

– Это не Киса, – (ехидно). – Вам из банка звонят, Анатолий Борисович.

– А почему с этого телефона? Ведь номер же...

– Правильно: одной из ваших подружек. Которая любезно согласилась нам помочь и предоставила на пять минут свой мобильный телефон. Вы же теперь не отвечаете на звонки, если номер вам не знаком. Что нам остается делать? Звонить через ваших знакомых, чьи телефонные номера вам известны.

– Вот стерва Анька!

– Дайте-ка мне трубку! – произнес другой женский голос. – Сам козел! Слышишь, Брагин?! Ты когда мне последний раз звонил?! А что обещал?! Помнишь?! А у тебя, оказывается, долги-и!

– Да у кого их нет!

– Ты мне шубу норковую обещал!!!

– Получишь ты свою шубу!

– Ага! Я теперь знаю, что ты мне врал! Козел ты, слышишь?!

– Девушка, дайте мне трубку, – (снова сотрудница банка). – Господин Брагин, я с огромной радостью сообщаю вам, что ваши угрозы обанкротить фирму возымели действие. Мы с вами сегодня общаемся в последний раз. Банк счел вас абсолютно безнадежным клиентом и продал ваш долг коллекторскому агентству. Теперь вы будете общаться с РАККом.

– С каким еще раком?

– Российская ассоциация коллекторского консалтинга. Или как-то так. Так что не удивляйтесь ничему. Скажу честно, мы продали ваш долг аж с девяностопроцентной уценкой, но мы на это пошли, чтобы вас проучить. Вы самый недобросовестный и наглый клиент из всех, кого мы знаем.

– Да пошли вы! Испугался я какого-то рака!

– Раз вы такой храбрый, желаю вам удачи, – (с иронией). – Но обещаю, господин Брагин, что вы нас еще вспомните. И пожалеете о том, что не пошли нам навстречу.

– Сука!

– Брагин, ты козел!!!

– И ты, Анька, сука! Чтоб вы обе сдохли!

Анатолий Брагин по привычке хотел отшвырнуть телефон, по которому получал теперь лишь дурные вести, но передумал. Пальцы торопливо заскользили по дисплею. «Финдеп». Он звонил Вадиму Копылову.

– Вадик, здорово! Проясни мне один момент.

– Внимательно слушаю тебя, о, шеф!

– Шутки в сторону. Мне из банка звонили.

– Опять?

– Не опять, а снова. Они сказали, что продали долг какому-то РАККу. Две «К».

– Да понял я. Плохи дела, старик.

– Ты меня не пугай.

– А я не пугаю. Ты слышал когда-нибудь про Серафима Кузьмича?

– Нет, а кто это?

– Пора бы тебе знать. Это главный коллектор в нашей стране, можно сказать, гуру всех вышибателей долгов. Величают его Серафим Кузьмич Быль.

– Кто? Пыль?

– Быль. А ты не смейся, Толя. Коллекторский бизнес в нашей стране относительно молодой, ему лет шесть, максимум семь, а Серафим этим делом занимается вот уже лет пятнадцать. Начал в девяносто восьмом, когда из тюрьмы вернулся, где отсидел семь лет за бандитизм. Сечешь? Как думаешь, кем он был раньше?

– Вышибалой, что ли?

– Именно. Сейчас-то у него все по-белому. Банк уступил ему свои права требования по договору цессии...

– Слушай, Вадик, не грузи меня юридическими терминами!

– Хорошо, не буду. Вкратце: есть черные коллекторы, есть серые, а есть белые. Так вот начинал Серафим как бандит, и хотя теперь он белый и пушистый, в основном на психику давит, но старые методы, я думаю, не забыл. И ребята у него работают серьезные, есть и бывшие «силовики», и, само собой, братки. А теперь еще и грамотные юристы, которым я в подметки не гожусь. Он очень богатый человек, Толя. Просто неприлично богатый. Потому что дело свое добре знает. Так что голосок soft-коллектора, девушки из банка, тебе может впоследствии райской музыкой показаться. Люди Серафима Кузьмича обзвоном клиентов не занимаются. Раз он купил твой долг, то намерен на этом разжиться. За сколько, говоришь, он его приобрел?

– С девяностопроцентной уценкой, – мрачно сказал Брагин.

– Круто. Что ж, это его бизнес, купить за копейку многомиллионный долг и все вернуть сполна. Он это умеет.

– Паяльник, что ли, в задницу вставит? Так ведь сейчас не девяностые.

– Он, между прочим, бывший детдомовец. В пятнадцать на завод пошел, одновременно в школу рабочей молодежи. Даже в вузе отучился, честно хотел жить. А когда страна начала разваливаться, вместе со своими приятелями, бывшими детдомовцами, банду сколотил. Кузьмич такую школу жизни прошел, что нам с тобой, Толя, и не снилось. Он свою пайку научился зубами выгрызать, когда мы еще только письмо Онегина к Татьяне наизусть учили и думали, что все у нас будет в шоколаде. Зверь, не человек. Так что советую договориться.

– Я квартиру не отдам. Ты знаешь, как она мне досталась.

– Что делать, Толя? Жизнь дороже.

– Хватит меня пугать!

– А я не пугаю. Ты спросил – я ответил.

– Вместе, между прочим, вляпались.

– Так я готов, так сказать, искупить. Войти в долю.

– Скажи мне честно: что будет?

– Как действует Кузьмич? Этого я не знаю. Сейчас не знаю. Говорят, фантазия у него богатая. И вообще он с заскоками. Своеобразный дядька.

– Ладно, справимся.

– Желаю удачи.

– Если что – я позвоню.

Брагин дал отбой и вытер пот со лба. Напугал, черт! И сильно напугал! Поэтому когда позвонили из РАККа, Анатолий Брагин был белый и пушистый, не то что с девушкой из банка. Хотя звонила тоже женщина, мило интересовалась, не угодно ли господину Брагину договориться с господином Былем по-хорошему?

– Угодно, – хрипло сказал он.

– Вот и отлично! Серафим Кузьмич приглашает вас в гости.

– В гости? Зачем в гости? Я один не поеду.

– Не бойтесь, вашей жизни ничто не угрожает. Серафим Кузьмич дает вам слово, что к вам не будут применять силу.

«Сука», – подумал Брагин, но вслух сказать не решился. Это уже были не шутки, баба говорила от имени страшного Серафима Кузьмича. Как там Вадик говорил? Зверь, не человек.

– Слово, значит, дает?

– Именно так. Записывайте адрес. Господин Быль живет за городом...

Палата № 2

– Лена, Паша, Настя! Господи, не орите! Коля! Где ты, Коля? Да угомони ты их! Маша! Кто-нибудь! Петя, где ты там?! Господи! Петя!

Она без сил рухнула на табуретку и чуть не загремела на пол. Одна из ножек подогнулась, давно уже пора было ее починить. Два мужика в доме, а мебель на глазах разваливается! А считая одиннадцатилетнего внука, три здоровых лба! Тоже мог бы молоток в руки взять, не все же в телевизор пялиться! Как же! Все заняты! А у нее больше нет сил. На плите стоит огромная кастрюля, в ней варится борщ. Надо бы помешать, потом положить капусту. Морковку нашинковать, обжарить. Лук. Картошки начистить. И на второе тоже. В раковине гора немытой посуды.

Хрясть! Ножка все-таки сломалась!

– А-а-а!!!

– Ну, че тебе? – сунул голову в кухню муж.

– Что ж они так орут-то?

– К Пашке пацаны в гости пришли.

– Почему к нам-то, Петя? У нас и так повернуться негде!

– А куда?

Смотрит на нее как баран на новые ворота. Такая уж у них, у Кабановых, судьба. Сколько она себя помнит, теснота, толчея. Когда рожала троих, не думала. У них, у деревенских, так принято: детей должно быть много. Она впитала это с молоком матери, а ее дети, видимо, с ее молоком. Иначе как объяснить, что у старшего сына трое и у среднего тоже трое? У дочери, у младшенькой, Ирочки, пока двое, так ведь ей еще только тридцать четыре! Родила год назад материнский капитал, ну и куда с ним? Ребенок орет, есть просит, капиталом его не накормишь, а пенсия, она когда еще будет, чтобы прибавку к ней дали? И метры квадратные в Москве на этот капитал не купишь. Сколько уже Кабановы в очереди на расширение стоят? Денег нет, связей нет, вот и позабыли про них. Ирка умная-умная, а дура. С мужем развелась, а как снова выскочит замуж – первым делом ребенка родит. Что ж будет-то? А?

– Когда жрать-то дашь, Таня?

– погоди... Вот отдышусь. Табуретка вон. – Она показала мужу отломанную ножку. – Починить бы, Петя?

– Ладно... Кино только досмотрю.

Муж тут же исчез. Сына кликнуть? Тоже не допросишься. Их можно понять: сегодня выходной. Суббота. А пашут они так, как привыкли пахать с молодых ногтей. Не в офисе сидят, чистенькие, надушенные-напомаженные. Муж работает водителем автобуса, а это в Москве тот еще экстрим! То бабка какая-нибудь завизжит, что ее дверью прищемило, то пьяный мужик под колеса кинется. А пробки? Господи! Вот напасть-то! Петя, как придет домой, матерится и матерится... Пока рюмку водки не выпьет, все матерится. А нахальные водители крутых джипов, которым законы не писаны? Шпарят по выделенке, наплевав на знаки. Безумный город! Все спешат, все заняты. И зачем только она сюда перебралась из деревни? Училище окончила, на ткачиху выучилась. А проработала последние десять лет на проходной, охранницей. Сумки чужие щупала, под одежду залезала, тоже щупала. Велено было охранять государственное добро от несунув. Но, слава богу, все кончилось. И государство, какое было, и несунув. И работа тоже кончилась.

Зарплата у Пети хорошая. Вот уже много лет, как она, Татьяна, просто домохозяйка. Правда, до пенсии мужу немного осталось. Он и так уже лишку работает. Официально-то пенсионный возраст вышел. Хорошо, молодежь нынче стремится в офисы, а не за баранку

рейсового автобуса, и Петю пока не попросили. Заменить-то нечем. Но зрение мужа подводит, спина болит, сил нет. Сколько уж раз говорил: не могу больше, Таня. Уйдет ведь. Еще год-другой, и уйдет. И что тогда будет? Лучше об этом не думать.

Работают в семье двое: муж и сын. Сноха дома сидит, в отпуске по уходу за ребенком. Насте, младшей внучке, два годика только. Это здесь она младшая. В этой квартире. Потому что в той, другой, годовалый Владик надрыается...

– Мать, мы жрать сегодня будем?

Коля, сын. С ним она ласково:

– погоди, Коленька, сейчас борщ доварится. Немного осталось. Что ж Маша мне не поможет?

– Настя капризничает. А чего ты тут зависла-то?

– Табуретка вот. – Она показывает сыну отломанную ножку.

– И че? Принеси стул.

К вечеру у нее совсем нет сил. Борща им еще на день хватит. Макароны Машка сварит, не переломится. Вот угораздило же Колю жениться на провинциалке! Не мог москвичку найти! Решили бы квартирную проблему. Коля тоже хорошо зарабатывает. Но взять эту... как ее? Ипотеку? Имея троих детей, неработающую жену и мать-пенсионерку? Стаж не выработала, потому пенсия мизерная. Нет, ипотеку им не потянуть.

Сил нет. А завтра воскресенье. Еще один выходной, а это значит, все дома...

Поэтому, пока малышка спала, она тайком улизнала к старшему сыну и дочери. Макароны пусть Машка им сегодня варит.

– ...Оля, Вася, Никита! Владик! Ира, что ж они так орут-то? Где Илья?

– Мама, не кричи. Дети играют. Помогла бы лучше на кухне.

– Так вас две бабы в доме кроме меня!

– У нас дети. Надо уроки проверить, завтра в школу. Ты хочешь, чтобы внуки были неучами? ПТУ закончили, как и ты?

– Так сейчас вроде нет уже ПТУ.

– Ну колледж, – в голосе дочери звучит презрение. Она одна в семье образованная. Да толку? С мужем все одно разошлась. Воспитывай теперь свой материнский капитал!

В двушке повернуться негде. Здесь живут сын с семьей и разведенная дочь. Пятеро детей, трое взрослых. Теснота, толчея. Не мог москвичку найти. Это она о старшем.

«Осподи, что это я? Совсем ум за разум зашел! Света же москвичка!» Жена старшего сына тоже из многодетной семьи. У Кабановых трое, а у Агапкиных пятеро. Там с квадратными метрами еще туже. Вот же, нашел сынок счастье! Ну, не везет в жизни!

– Мама, помоги на стол накрыть.

– Сейчас, Ирочка, сейчас.

Вот тебе и отдохнула!

Вечером она на ватных ногах возвращается домой. Заметив в вагоне метро свободное местечко, рысью мчится туда, поймав на себе презрительный взгляд хорошенькой девушки в дорогом норковом полушубке. Тебе бы так, милая. Гора грязного белья, раковина, забитая грязной посудой, огромные кипящие кастрюли, затоптанные полы... И так с утра до вечера, с утра до вечера. Без выходных. Да что там! В выходные еще хуже! Потому что все дома. И готовить приходится и на мужиков. Счастье, когда у них графики не совпадают.

Вот до чего дожила! Мечтает о том, чтобы у мужа и сына не совпадали рабочие графики! Чтобы в доме было хотя бы на одного человека меньше, а за столом на одного едока!

В вагоне тепло, гудящие ноги получили долгожданный отдых, и глаза сами собой закрываются. Как хорошо! Двадцать минут отдыха! Жаль, что дети так близко друг от друга живут! Всего двадцать минут... А хотелось бы час...

Сама виновата. Когда искали две двушки, хотелось, чтобы поближе. Вот тебе и поближе.

Во сне к Татьяне Кабановой пришли другие мечты. Она сидела на крылечке в родительской избе и ела пирог со щавелем. Ох, и вкусные же мамка пекла пироги! Каждый с батину ладонь, огромный, начинка – со своего огорода. Зеленуха. Вроде пустые, а все одно вкусные. А главное, можно ничего не делать.

Ни-че-го не де-лать...

– Следующая станция «Сходненская»...

Матушки, проехала!

– Куда ж это я?! Господи!

И опять рысью к дверям. Народ с презрением смотрит на бабку в болоньевом пальто и уродливой мохеровой шапке, похожей на ком грязного снега, потому что шерсть давно свалылась, а цвет от бесчисленных стирок потускнел. А ведь в те же шестьдесят годов эстрадные звезды за молоденьких мальчиков замуж выходят! Платья короткие надевают! Туфельки на шпильках!

Всунет она свои разбитые ноги в туфли-лодочки, как же!

Что ж так не везет-то, а? Ну хоть бы капелюшечку счастья. Удачи, везения. Хоть чего-нибудь, чего в жизни еще не было. А ничего и не было. Дом, дети, муж. Грязная посуда и грязное белье. Грязные полы...

– Татьяна Семеновна?

– Да. А кто это? – спросила она с опаской. Позвонили ей на мобильник. Голос незнакомый, поэтому сердце екнуло. Муж с сыном на работе, а кроме родных на ее мобильный телефон никто не звонит. Ну, снохи.

«Мать, грей щи, домой еду!» Или «Мама, ты не забыла туалетную бумагу купить?»

А тут: Татьяна Семеновна.

– Вы оставляли в агентстве заявку.

– В каком агентстве?

– В агентстве по трудоустройству, – терпеливо пояснила звонившая женщина.

– А ведь и впрямь было такое!

Ей всегда хотелось иметь свою копеечку. Чтобы не кланчить у мужа на дешевую пудру и польскую губную помаду, другой косметикой она никогда не пользовалась. И то Петя жмется: зачем тебе это? Да хоть вспомнить иногда, что женщина. Поэтому по совету соседки Татьяна пошла в агентство, благо это рядом с домом. Подруг у нее никогда не было, не до того, так, приятельницы. Варваре она всегда завидовала: на голове химия, на ногтях яркий лак, да еще и отдыхать каждый год ездит! Ты подумай! В Анапе она была! В Кисловодске! Откуда деньги? Соседка не жалась, сказала. Совет дала: иди и ты, Татьяна, в агентство, хоть человеком себя почувствуешь. Копеечку будешь иметь свою. За уборку в богатом доме две с половиной тысячи платят. В следующем году вместе в Кисловодск поедem. И делать-то особо ничего не надо. Богатым людям всегда требуется помощница по хозяйству. Пыль смахнуть, белье там погладить, костюм в химчистку отнести. А ты, Татьяна, аккуратная. Всю жизнь на домашнем хозяйстве.

И то верно! Два дома только на ней и держатся, на ее аккуратности и чистоплотности. На ответственности. Все то же самое, но за деньги? Запросто! На полтора часа в день из дома улизнуть? Да осчастливьте меня!

– Мы подобрали вам работу, Татьяна Семеновна. Правда, не совсем то, что вы хотели. С проживанием.

– Я что-то не поняла.

– Помощница по хозяйству с проживанием. На месяц.

– Нет, я так не могу. Куда ж я своих-то дену?

– Пятьдесят тысяч рублей.

– Как-как? – она растерялась.

– Вы получите за месяц пятьдесят тысяч рублей. Плюс жилье и питание. Получается чистыми пятьдесят тысяч, – наредила звонившая женщина. Словно заклинание произнесла.

Татьяна какое-то время молчала. В голове не укладывалось. Пятьдесят тысяч рублей! И на месяц уехать! Неужели боженька услышал-таки ее молитвы?

Мелькнула мысль: как я своим-то скажу? Потом вспомнила, что холодильник хотели брать в кредит. Двухкамерный. И телевизор. А не надо в кредит. Она, добытчица, принесет денег. Да еще и на новое зимнее пальто останется. Сколько можно в старом-то ходить? Народ уже косится, за бомжиху ее принимает. Вот давеча в метро женщина отодвинулась, посмотрела презрительно.

– Татьяна Семеновна, вы согласны?

– Как-то неожиданно.

– Это всего на месяц. За вами пришлют машину.

– Как-как?

– Если вы согласны, за вами завтра пришлю машину.

– Прямо завтра? – она совсем растерялась.

– Так вы согласны?

От неожиданности она ляпнула:

– Да.

И только потом вспомнила, что не назвала девушке адрес.

Родные сочли, что все это глупая шутка.

– Разыграли тебя, мать, – хохотал вечером сын и подмигивал отцу. – Слышь, батя? Полтинник с проживанием!

– И питанием, – хихикала сноха.

– Это где ж такое бывает? – переглядывались они и смеялись. – В кино?

И так весь вечер.

Когда раздался звонок в дверь, все растерялись.

– Это кто? – спросил сын.

– За матерью, видать, – усмехнулся муж и пошел открывать дверь.

На пороге стоял молодой парень в модной кожаной куртке, он вежливо сказал:

– Я за Татьяной Семеновной. Готов отвезти ее на работу.

– На какую работу?

– Я из агентства. С Татьяной Семеновной вчера обо всем договорились.

Она, обомлевшая, вышла в прихожую.

– Господи! А я ж не готова!

– Ничего, я подожду, – вежливо сказал парень и улыбнулся: – Можно водички?

– Конечно, конечно, – засуетилась сноха. Парень был очень уж симпатичный. И куртка на нем хорошая, дорогая.

– Видать, не шутка, – зачесал затылок озадаченный Петя.

– Полтинник за месяц? На всем готовом? – задумался сын. – Мать, так ведь мы и холодильник с телевизором купим! И кредит не надо брать!

Она уже не слушала. Металась по квартире, собирая вещи. В голове билась одна лишь мысль: с проживанием.

– Не беспокойтесь, все необходимое у вас будет, – белозубо улыбнулся парень. – Одежду тоже выдадут.

– Эх, мать, повезло тебе! – хмыкнул Петя.

– Приедешь на место – отзовишься, – сказала сноха, когда Татьяна уже была в дверях. Она молча кивнула и пошла за парнем, взявшим у нее объемную сумку. Все-таки напихала вещей. Запасливая.

И только когда лифт поехал вниз, стоящие на лестничной клетке отец с сыном переглянулись и забеспокоились:

– А вдруг маньяк?

– Да кому она нужна? – высунулась из двери Маша. – На органы уже не годится, в любовницы тоже.

– И впрямь, – хмыкнул Коля. – Не молодка.

– Ну, пошли, что ли, обмоем это дело? – предложил отец.

И дверь в квартиру Кабановых закрылась. А Татьяна Семеновна в это время, обмирая от страха и от предвкушения чего-то необычного, отъехала от подъезда на большой черной машине, названия которой не знала. Но судя по тому, как смотрел на нее сосед, выгуливавший собаку, поняла, что машина дорогая.

«А вот вам! Чтоб знали!»

Палата № 3

– Доброе утро, дорого-ой...
– А? Что? – Влад глянул за окно: и впрямь утро! Первый час, работяги уже в предвкушении обеда, офисные два раза чай пили и три раза курили.

– Еще спишь?
– Нет, что ты! Давно проснулся!
– И что делаешь?
– Работаю, зайка, работаю.

И зайка защебетала:

– Совсем себя не бережешь. Я зашла на твою страничку: ты был там сегодня в два ночи!
– Зайка, ты же знаешь, это смысл моей жизни, – снисходительно сказал он.

Каждый должен заниматься своим делом. Работяги класть асфальт, офисные класть на начальство и тайком играть в преферанс в Сети или в стрелялки, торчать в Одноклассниках, а он, Владислав Самсонов, мозг хомячкового планктона, профессиональный журналист, колумнист, мегапопулярный блогер, он должен за них мыслить. Кидать им, как кость, идеи в социальную сеть и обсасывать их, пока последние соки не иссякнут. И тогда он кинет в Сеть другую кость. А они будут бесноваться, орать, требовать, лайкать, постить, как из пулемета, и жизнь интернет-сообщества благодаря этому не замрет ни на секунду.

Хвала тому, кто изобрел Интернет! Кто придумал вай-фай и блютуз! Родил первую социальную сеть и сообразил, как заработать огромные деньги на дружбе! Хвала постмодернизму и двойная хвала перепостмодернизму! Хотя он бы назвал грядущую эпоху техномодернизмом. Бесконечная модернизация технологий, высвобождающая уйму времени, которое все большее количество людей предпочитает тратить в Инете. Все погибает, а он бурно развивается. Слава богу, он, Влад, вовремя сообразил, что все деньги скоро будут там, забил на традиционную журналистику, на глянец и полуглянец, желтуху и чернуху, на беготню по редакциям, бесконечное ожидание, томление, отчаяние, пока очередной материал не протухнет, и заделался колумнистом. Блогером. Теперь каждое его слово тут же становится общедоступным. Теперь он Великий и Ужасный Самсон. Непререкаемый авторитет с огромным количеством френдов, которые бурно обсуждают каждую его статью на популярном сайте, принадлежащем богатейшему медиахолдингу. Ему, кстати, неплохо за это платят. За работу Самсона и его бесчисленных френдов.

И очередная зайка боготворит его и бесконечно уважает.

– Я хотела бы, чтобы ты немного отвлекся, дорогой. Отдохнул. Я нашла чудесное местечко...

– Ты же знаешь, мне трудно угодить, – капризничает он.
– Да, знаю. А как насчет экстрима?

– Экстрима? Э, нет. Это не мое. Я, как бы это сказать? В не очень хорошей физической форме.

Если стучать весь день по клавише и ложиться под утро, форму сохранить трудно, а вот набрать лишние килограммы – запросто. У Великого и Ужасного пивной живот и мышцы дряблые. Бицепсы и трицепсы не мешало бы подкачать. Но штанга вот уже год пылится под кроватью, там же гантели. На макушке Великого намечается лысина, хотя ему только тридцатник. Он не способен покорить Эверест, да что там, и стометровку пробежать не способен. На пятый этаж подняться без лифта – умрет от инфаркта. В больницу уж точно загремит. А она – экстрим!

– Я знаю, знаю, – торопливо заговорила зайка, – все знаю, дорогой. Это экстрим в области психологии. Как раз твоё.